

МНОГО или мало это — семь десятков лет! Если вести счет только на годы, то, как говорится, возраст явно пенсионный. Но разве человек творческого склада, беспокойной души может стареть сердцем! Нет и нет! Такая завидная молодость свойственна, по-моему, Николаю Михайловичу Северу. Он — один из старейших прославских интэраторов и самый юный член Союза писателей. Он, можно сказать, патриарх театральной сцены и в то же время дебютант ее, создавший совсем недавно яркую впечатлительную пьесу о Федоре Волкове.

Словом, волково это дело — молодость, друта, страстность художественным исканием, строгая эзискальность и своему дарованию. Николай Север не спешил стать писателем. Большую часть жизни он отдал театру. Самый деятельный период связан с Ярославлем.

Из детства жизненных впечатлений, от неуемного художественного горения взялся Николай Север за перо. Взялся не зря. Счастливством тому превосходяще малюсеньким новостям: «Федор Волков» и «Судьба актера», изданные, знакомые читателям. И знакомые еще рукописи «Штурманы грядущей бури», посвященные русским революционным демократам и прежде всего великому народному гению Николаю Александровичу Некрасову.

И добрый десяток всевозможных замечательных сказок для детей, романистики. И юные драматургические замыслы...

А теперь судите сами, много или мало это — семьдесят лет, славный юбилей, с которым газета «Юность» и ее читатели сердечно поздравляют Николая Михайловича Севера.

В. РЫМАЗЕВСКИЙ,
член бюро Ярославского отделения Союза писателей РСФСР.

Сегодня «Юность» предлагает читателям отрывок из замисли М. Севера об истории театра имени Ф. Г. Волкова.

ВЕРОЯТНО, большинство ярославцев не знают, что в 1966 году исполняется 70 лет существовавшая в нашем городе кино, и того, что зачинателем этого дела явился Ярославский театр (тогда городской) в сезон 1896—1897 гг. Нанное восхищение «чудесами науки» сквозит в строках объявления о демонстрации первого фильма:

«На некоторых спектаклях во время святок будет демонстрироваться новейшее изобретение XIX века: синематограф, или оживленная фотография в натуральную величину. (Последние чудеса науки!).»

Зритель видит перед собой нечто совсем невероятное — на его глазах картина оживает и все приходит в естественное движение: идут люди, катятся экипажи, паровоз и вагоны летят на всех парах, останавливаются на станции, выходят пассажиры, бегут носильщики, шаковые целуются, рукопожатия, улыбки и т. п. Пле-

шут волны моря, пена брызжет во все стороны, разнообразная жизнь и движения передаются с изумительной точностью.

Перелистывая страницы ярославской театральной летописи, встречаемся с многочисленными курьезами, которые в свое время не казались смешными. Так, в оценке деятельности Ярославского театра официальная газета «Ярославские губернские ведомости» (1856) отмечает:

«Просвещенное покровительство театру от лица начальника губернии дало новые силы деятелям сцены, благосклонное внимание высшего общества окрылило их, соучастие превосходного оркестра музыки пехотного

ЗАБЫТОЕ... СМЕШНОЕ...

Из прошлого Ярославского театра

стрелкового полка, игравшего в антрактах, не переставало сообщать здешним спектаклям во всю зиму прелесть столичных».

Или: «К числу замечательных общественных развлечений на Фоминной неделе относятся еще:

1. Публичная лекция профессора Демидовского лицея Гладкова,

2. Трехдневная продажа дамских товаров по дешевым ценам в магазине Осокина.

3. Спектакли в театре, оживленные игрою петербургского актера Степанова и других приезжих актеров».

Постепенно объявления в газетах о концертах и спектаклях уступают место афишам, составлением которых обычно занимался сам директор театра. Безграмотный Смирнов, пробывший антрепренером в Ярославле около тридцати лет, первый наименовавший себя «директором», оставил по себе сомнительную славу «мастера

афиш». На одной из них, например, значится вместо «Серенада четырех кавалеров» — муз. Бородина — «Серенада четырех кавалеристов» — муз. Бородина.

Актерский труд в прошлом столетии был очень тяжел. Антрепренер в погоне за сборами ставил по три, по четыре премьеры... в неделю! Учить роли было просто некогда. В рецензии 50—60-х гг. XIX в. мы можем прочесть:

«...За г-на Власьева (слуга Валера) играл суфлер, весьма громко и гораздо лучше, нежели сам г. Власевский...».

Или: «Г-ну Кондратьеву следует лучше знать — кто его мать и не называть таковой г-жу Лахонину, которая по пьесе значится его дочерью...».

Бесконечное множество забавных казусов происходило и во время спектаклей. Так, например, на утреннем спектакле для детей «Кот в сапогах» юные зрители подняли плач и скандал из-за того, что кот вышел на сцену... без хвоста! Помощнику режиссера пришлось выйти и успокоить детвору заверением, что к третьему акту хвост будет пришит. Во время спектакля «Нечистая сила» др. Бахметьева действующее лицо — содержательница публичного дома — вспоминает, что в молодости она была любима одним человеком. В подтверждение своих слов она указывает на портрет, висевший на стене. Вместе с действующими лицами в портрет вглядываются и сидящие в партере зрители и не ожиданию узнают в портрете известного всему Ярославлю г-на Н., кстати, тоже присутствующего на спектакле. Поднялся гомерический хохот, перешедший в овацию актрисе, когда она по ходу действия, схватив портрет, стала его целовать и прижимать к груди. Спектакль был сорван. Виновником оказался режиссер, взявший «напрокат» первый попавшийся портрет у соседнего фотографа.

Н. СЕВЕР.